

Ю. Е. Барлова

Проблемы политического развития Англии в Новое время в свете «новой политической истории»: западные подходы

В середине 1990-х гг. политическая история, долгие годы отеснявшаяся на Западе в тень истории социальной и, по словам немецкого специалиста, «мало чем притягивавшая амбициозных выпускников университетов»¹, триумфально возвращается на арену исторических исследований. Новый виток популярности, связанный, возможно, с заметной в последние годы тенденцией к возрастанию всеобщего интереса к политике и всему, что с ней связано, характеризует коренное переосмысление самих категорий «политическое», «политика». Произошедшую трансформацию в современных историографических изысканиях все чаще ассоциируют с понятием «новая политическая история», в России практически не понятым, а на Западе до сих пор по-разному трактуемым, ибо, как заметил один британский историограф, дебаты внутри этого направления «до сих пор гораздо обостреннее, нежели дискуссии о нем как об альтернативе традиционной политической истории»².

Одной из проблем, попавших с середины 80-х гг. XX в. в поле зрения «новых политических историков», стало политическое развитие Англии в Новое время. Причиной взлета интереса к этой, казалось бы, «до мозга костей традиционной» проблематике явилась, по словам Д. Вармана, неудовлетворенность сложившимися на тот момент подходами к объяснению реалий и феноменов британской политической жизни в XVII–XIX вв. – подходами, либо сосредоточенными в рамках марксистской теории на поиске экономических «двигателей» политики, либо, в традициях либеральной историографии, изучающими постепенное складывание британского конституционализма и парламентской демократии, либо в духе ревизионизма «срывающими маску с идеологического фасада английской политической жизни». Ни один из подходов, считает он, не смог должным образом объяснить, в частности, «особый

путь» политического развития Англии в Новое время по сравнению со странами континентальной Европы³.

Может быть, именно это обстоятельство заставляет нас обратиться к работам западных специалистов, изучающих историю туманного Альбиона под несколько иным углом зрения – в русле подходов «новой политической истории». Однако для того, чтобы данный историографический очерк был «терминологически выверен», следует уяснить, что понимается под «новой политической историей» сегодня, с учетом тех изменений, которые на протяжении полувека претерпело это интересное и недооцененное нами историографическое направление, и только потом обозначить перспективы применения техник и подходов «новой политической истории» в англоведении.

Уже в 20-е гг. XX в. историки первого поколения знаменитой школы «Анналов» заявили, что традиционная политическая история превратилась в «труп, который нет нужды реанимировать»⁴. Взамен они предлагали «переоформить» политическую историю так, чтобы она избавилась от «поверхностности» и смогла, как и социальная история, проникать в глубинную суть исторических процессов. В итоге «первыми ласточками» в процессе переосмысления политической истории в XX в. стали: а) концентрация внимания на категории власти, ее внешних атрибутах, ее ритуальной стороне, ее символике, на связанных с властными отношениями механизмах коллективной психологии и б) расширение источниковой базы политической истории за счет привлечения неписанных источников. Впервые эти «новшества» проявились в таких знаменитых исследованиях, как «Короли-чудотворцы» М. Блока или «Два тела короля» Э. Канторовича.

Само же понятие «новая политическая история» возникло и закрепились в историографии только в середине XX в. в рамках «новой исторической науки», которая пыталась «обновить» традиционную историю с помощью методов, техник, теоретического инструментария и источников других наук, опрокинутых, согласно популярному выражению, в прошлое.

Поскольку в историографии 1960–1970-х гг. происходит так называемый «поворот к обществу», сфера политического (которая

в большей степени ассоциировалась с государством, нежели с обществом) попадает как бы «под крышу» сферы общественного. «Экономика, общество, культура – вот те области, которые примерно полвека назад завладели вниманием историков, – писал Жак Ле Гофф. – В этот же период на политическую историю стали смотреть пренебрежительно и свысока, и, кажется, даже была поставлена под сомнение ее эпистемологическая определенность»⁵. Такое положение вещей отразилось на основных изменениях, произошедших в проблематике и источниковой базе политической истории, когда под эгидой «новой исторической науки» было вновь заявлено о необходимости ее модернизации.

С конца 60-х и в течение 70-х гг. XX в. пальму первенства как по количеству работ в этой сфере, так и по уровню новаторства в методах и подходах держала историография США. Американские специалисты заявили о своем стремлении «освободить политическую историю от рамок и ограничений, налагаемых на нее традиционными источниками и методами». В частности, речь шла об использовании концепций и технологий политической науки и социологии и о применении этих методов к так называемым «нейтральным», т. е. однотипным и измеряемым, данным – статистическим материалам, отчетам о голосованиях и пр. Вскоре, впрочем, это стремление вылилось в заметную «перегруженность» исследований политологической и социологической терминологией и доминированием в них квантитативных методов и техник, сами названия которых довольно сложны для восприятия («масштабный» и «факторный» анализ, «множественная регрессия» и пр.). Бесспорно, такая обработка исторических свидетельств позволяла получать большой объем информации, обобщать данные однотипных источников массового характера, охватывать широкий круг образцов массового поведения. Однако уже с конца 1970-х – начала 1980-х гг. такое понимание «новой политической истории» начало подвергаться аргументированной критике по трем основным позициям:

1. «Перевооруженность» политологическими техниками ведет к тому, что история едва ли не превращается во вспомогательную дисциплину для проверки современных политологических концепций.

2. В погоне за некими численными показателями, безотказно работающими применительно к любой эпохе и стране, историк рискует упустить из виду неповторимые, специфические явления, исторические феномены.

3. «Нейтральные» и измеряемые данные существенно ограничивают круг изучаемых вопросов, т. к. исследование строится не на значимости темы, а на типе данных.

В немногочисленных российских учебных пособиях по историографии именно этот социально-исторический вариант попадал, как правило, под определение новой политической истории. На Западе же в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вновь наблюдается пересмотр понятия и сущности этой новой политической истории, обусловивший существенное изменение ее проблематики, методики и инструментария. Во многом этот «новый виток по спирали» был связан с началом эпохи постмодернизма.

В чем проявилось воздействие постмодернизма на «традиционную» политическую историю?

Во-первых, в признании решающей роли языка в оформлении так называемого «политического поведения» и наполнения последнего значением. Соответственно произошла смена ориентиров в выборе тех наук, инструментарий и методы которых призваны «обогащать» историю: акценты сместились в сторону психологии, лингвистики, герменевтики, а также семиотики (наука о свойствах знаковых систем), семантики (раздел языкознания, занимающийся значениями языковых единиц), прагматики (наука об отношениях между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется). Во-вторых, во внимании к уникальным политическим феноменам, как у с а м. Наконец (и это представляется нам самым важным изменением), в признании относительной автономии политической сферы – так называемого «политического пространства», функционирующего как самостоятельный организм и изучаемого в рамках таких категорий, как власть, коммуникация и политическая культура.

Признание центрального места в проблематике «новой политической истории» за понятием «политическая культура» и, следовательно, сближение ее с «новой культурной историей» вызвали

к жизни термин «новая культурно-политическая история», который в современных европейских исследованиях иногда замещает термин «новая политическая история». Политических историков вновь заинтересовали аспекты, традиционно считавшиеся «естественными территориями» историка культуры: символы, ритуалы, риторика.

Таким образом, под задачами «новой политической истории» исследователи понимают в первую очередь изучение политической культуры того или иного общества и, условно говоря, делят это изучение на два этапа:

1. Исследование символических форм политики, семантики политического языка и ритуалов, изменение этого всего с течением времени. При этом обращается внимание на то, каковы были представления о политическом в ту или иную историческую эпоху, какая велась «борьба за определения», что понималось под политическим поведением.

2. Постановка вопроса о том, с помощью каких коммуникативных средств (назовем их еще средствами информации) социальные, экономические, религиозные, культурные, моральные явления или отношения трансформировались в политические. На основе этого определяются правила включения и исключения из политического пространства; наконец, дается ответ на центральный вопрос о характере властных отношений в тот или иной исторический период.

В свете вышесказанного вполне объяснимым представляется тот факт, что с конца 80-х гг. XX в. «новая политическая история» повернулась лицом к Великобритании – стране, всегда считающейся «классическим» полем для исследований в области политической истории. Как замечает Д. Варман, хотя в силу своего традиционализма и гордости за уникальный конституционный опыт англичане медленнее следовали путем обновления традиционной политической истории, все же многие наиболее интересные достижения последних лет связаны именно с изучением политической культуры этой страны⁶.

«Пионером» изучения британской истории в обозначенном ключе можно назвать исследователя Г. Стедмана Джонса, который

по-новому взглянул на историю чартизма. Историк читал чартистские петиции и речи как чисто политические тексты, не ища в них отражения социально-экономических интересов и классовых позиций. Изучая «понятийный репертуар» чартистов, он пришел к выводу, что именно внутри языка конструировались и «перетекали» из поколения в поколение «жалобы, желания, политические категории и стереотипы, которые породили чартизм и оформили те политические средства, которые предлагали чартисты для выхода из кризиса»⁷.

Лингвистический подход к политической истории Англии использует в своих работах и немецкий специалист-англовед В. Штайнметц. Так, в работе «Собственность, интересы, классы и политические права в Англии Нового времени» Штайнметц проводит так называемое диахронное исследование семантики понятия «собственность» по методике, предложенной знаменитым немецким историком культуры Р. Козеллеком, т. е. в сравнении его сегодняшнего значения с тем смыслом, в каком оно использовалось и понималось в XVIII в. Историк изучает изменения в значениях понятий «собственность» и «интересы», различные трактовки этих слов в конкретном политическом контексте, их взаимосвязь и таким образом оценивает «практическую значимость этих понятий в процессе политической коммуникации XVIII в.»⁸.

В монографии П. Джойса «Субъекты демократии: свое и общественное в Англии XIX в.» политическое поведение рядовых англичан анализируется в дискурсе, основанном на категориях идентичности и нарратива (последнее понятие трактуется автором как самоопределение индивида, создание им собственной «истории», определенной системы «упорядочивания фактов», в рамках которой он решал себя расположить). Джойс исследует, как в условиях политических конфликтов XIX в. «персональная идентичность рядового англичанина имплантировалась в социальную идентичность, персональный нарратив – в социальный нарратив и как эти нарративы позволяли “нефиксированной идентичности” человека стать “временно фиксированной” той, что побуждает индивидов участвовать тем или иным образом в политике»⁹.

Пример исследования эволюции британской политической системы с точки зрения структурирования политического пространства дает вышедший в 2000 г. труд Д. Зарета «Происхождение демократической культуры: печать, петиции и общественная сфера в Англии Нового времени»¹⁰. Зарет предлагает «отказаться, наконец, от спекулятивного анализа, строящего умозаключения относительно общественной сферы на социальных категориях “класса”, или “гендера”, в пользу эмпирического изучения коммуникативной практики». Таким образом, он понимает политическую культуру в первую очередь как *коммуникацию* между политиками и общественностью. Основными механизмами политической коммуникации Нового времени Зарет считает печатную культуру и петиции. Именно эти коммуникативные рычаги общения с властью, возникшие задолго до того, как они получили оформление в просветительской теории, автор называет основными двигателями эволюции британского конституционализма.

Важно, что методы и подходы «новой политической истории» внесли свежую струю в понимание одного из наиболее спорных вопросов английской истории Нового времени – вопроса о «консервативности радикализма», или «парадоксе инноваций», в Англии, где реформы всегда стимулировались традициями и шли на уровне практики, не будучи ни санкционированными, ни приемлемыми в теоретических формулировках. Анализ семантики политических понятий, их роли в коммуникативных практиках отчасти помогает ответить на мучающий англоведов вопрос, сформулированный Дж. Эпстайном, автором книги «Самовыражение радикалов: политический язык, ритуалы и символы в Англии, 1790–1850»: «Почему те, кто желал реформ и изменений, всегда вызывали духов прошлого, которые, в свою очередь, со страшной силой влияли на умы радикалов?»¹¹. Эпстайн полагает, что «свет в конце туннеля» забрезжит, если принять предлагаемое им объяснение понятия «британский конституционализм» не как традиции или наследия, а как «созвездия оберегаемых идей» – гибкого набора аргументов, символов и пр., из которых оформлялась политическая тождественность индивида и его представления о прошлом и будущем нации¹². Это «созвездие», по его словам, использовалось

разными политиками в разных условиях и с разными целями, но именно ввиду «соответствия» ему политические новации и становились приемлемыми. К похожим выводам приходит и историк Дж. Вернон в работе «Политика и люди. Изучение английской политической культуры 1815–1867 гг.», указывающий на то, что идеологическая борьба в Англии XIX столетия проходила не между двумя противоположными системами политической аргументации, а скорее в рамках одной, «разделяемой всеми идиомы нарративного дискурса»¹³.

Невозможно охватить весь спектр новейших зарубежных исследований в русле «новой политической истории» в рамках одной статьи. Целью автора было скорее стремление показать перспективность анализа механизмов политической коммуникации, семантики политических понятий, их роли в коммуникативных практиках и политической культуре в качестве подхода к изучению «белых пятен» английской политической истории, способного помочь англоведам в ответе на многие дискуссионные вопросы.

¹ *Wahrman D.* The New Political History: a Review Essay // *Social History*. 1996. Vol. 21, nr. 3. P. 34.

² *Hansen S. L.* The Illusion of Objectivism: a Review of Recent Trends in New Political History // *Historical Methods*. 1979. Vol. 12. P. 96.

³ Под «особым путем» понимается то, что в Новое время туманный Альбион, к удивлению многих, «избежал французской революции», иными словами, Англия развивалась, а ее политическая система модернизировалась и трансформировалась, избегая крупных революционных скачков и катаклизмов; возникавшие проблемы решались, как правило, конституционным путем – путем постепенного реформирования существовавшего устройства (см.: *Wahrman D.* Op. cit. P. 325).

⁴ *Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1994. Т. 2, вып. 4. С. 190.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ *Wahrman D.* Op. cit. P. 347.

⁷ *Steadman Jones G.* Language of Class: Studies in English Working Class History. Cambridge, 1983.

⁸ *Steinmetz W.* Property, Interests, Classes und Politische Pechte. Berlin, 2000.

⁹ *Joyce P.* Democratic Subjects: the Self and the Social in 19th Century England. Cambridge, 1994.

¹⁰ *Zaret D.* Origins of Democratic Culture: Printing, Petitions and the Public Sphere in Early Modern England. Princetown, 2000.

¹¹ *Epstein J. A. Radical Expression: Political Language, Ritual and Symbol in England, 1790–1850. Oxford, 1994.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Vernon J. Politics and the People: The Study of English Political Culture 1815–1867. Cambridge, 1993.*

В. В. Высокова

Интеллектуальная история — территория историка

История как средство саморефлексии человечества – чрезвычайно притягательная область. Стремление осмыслить существующий мир всегда подталкивало людей к обретению более точного и достоверного знания о прошлом. Так, на рубеже XV–XVI вв. революционным сдвигом явилось утверждение принципа подлинности исторических документов в трудах гуманистов. Линию продолжило утверждение принципа достоверности исторических источников на протяжении XVII–XVIII вв. Этот интеллектуальный «прорыв» в сознании эрудитов XV–XVIII вв. смело можно назвать «научной революцией» в свете концепции, сформулированной в 60-е гг. XX в. американским ученым Т. Куном¹.

Историческое знание с тех пор начало формироваться на новых рационалистических основаниях. Упорядочение знания об исторических источниках и хранящейся в них информации стало одной из самых актуальных проблем. «Антикварами» решались проблемы классификации исторических источников, их архивирования. В XIX в. уже можно говорить об оформлении истории как самостоятельной научной дисциплины. В результате сложились методологические основания исторической науки и, казалось бы, неограниченные ее информационные возможности.

По мере своего долговременного развития история как область знаний о прошлом претерпевала качественные изменения и с точки зрения проникновения исследователя в контекст ушедшей эпохи. Некогда большим достижением явилось связное повествование